Чехов А. 1985 май

ПОЛКИ НОВИНОК

Лит газ., 1985, 29 мая

О Чехове, и не только о нем

Г. БЕРДНИКОВ «А. П. ЧЕХОВ. ИДЕЙНЫЕ И ТВОРЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ»

Издательство «Художественная литература». М. 1984.

НОВАЯ книга Г. Бердникова охватывает обширный историко-литературный материал, сгруппированный вокруг колоссальной фигуры А. П. Чехова. Для автора, хорошо известного и у нас в стране, и за рубежом своими многочисленными работами о Чехове, книга эта в одно и то же время и подведение итогов, и обозначение новых исследовательских путей. Перед нами не только оригинальный и перспективный синтез идей, уже накопленных и автором, и его предшественниками-чеховедами, но также и глубокий методологический поиск, представляющий интерес даже и безотносительно к конкретной чеховской тематике. Движение исследовательской мысли по собственно чеховской хронологии (начинающий Чехов — Чехов конца восьмидесятых годов — Чехов начала девяностых годов и т. д.) обогащается анализом творческих, идейных и стилевых соприкосновений Чехова с писателями-современниками (Щедрин, Короленко, Толстой, Успенский и др.).

Не только в этих подчеркнуто «центробежных» главах, но во всей книге Г. Бердникова ощущается живое присутствие истории русской культуры, и творчество Чехова предстает перед читателем как закономерный, органически необходимый этап в общем процессе развития отечественной художественной мысли. С неослабевающим вниманием мы следим за ходом авторской концепции, учитывающей не только сильные, но и некоторые исторически детерминированные, ограниченные стороны мировоззрения Чехова. Анализ мировоззрения писателя последовательно связывается в монографии Г. Бердникова с содержательной стороной, поэтикой чеховского повествования (повесть «Огни», рассказ «Княгиня» и др.). Это обстоятельство важно подчеркнуть потому, что, к сожалению, до сих пор в иных литературоведческих работах не столь уж и редко приходится наблюдать как бы «двойное», поэтапное рассмотрение «взглядов» и творчества — сначала вычленяются в чистом виде «взгляды», а затем эти же «взгляды» отыскиваются в художественных типах. Г. Бердников занимает принципиально иную позицию: содержащиеся в его книге превосходные разборы «Степи», «Дамы с собачкой», «Скучной истории», «Лешего», «Палаты № 6», «Рассказа неизвестного человека», чеховской драматургии — это одновременно разборы и эстетических структур, и собственно мировоззренческих аспектов сознания писателя. Такое объемное исследование предмета позволяет автору объективно отразить его целостность.

Марксистский историзм не может не вести к теоретическим обобщениям, а теоретические построения плодотворны только тогда, когда они имеют своим основанием реальный исторический процесс. Этому и следует автор рецензируемой книги. Погружаясь в сложную партитуру чеховского творчества, он именно в ней как бы «вычитывает» формулируемые им выводы и заключения. Но уточним — с позиций исследователя нашего времени, учитывающего место и роль чеховского наследия в духовной культуре современного общества. Разумеется, Г. Бердников нигде не становится на путь поверхностного и искусственного «осовременивания» классики. История и современность, день нынешний и день минувший встречаются на страницах этой книги, знаменуя естественное движение жизни общества, его культуры.

Монография Г. Бердникова включает в себя множество историко-литературных, философско-эстетических и культурологических фактов. Конкретика ее необычайно широка. Но и по материалу, и по подходам к нему она едина. Всю ее, от первых до последних страниц, пронизывает ведущая идея — глубочайшая народность творчества Чехова.

Чеховская народность включает и освоение темы народа, и внутреннюю, можно сказать, интимно-художественную творческую ориентацию, которая во многом совпадала с коренными интересами русского народа. Эта ориентация явственно ощущается и в поисках нового метода изображения народного бытия, и в преодолении иллюзий касательно духовно-преобразовательного потенциала нравственной проповеди, и в истовой вере в силу и красоту любви действенной, и в резко критическом отношении — уже на рубеже эпох — к узости и черствости в человеческих отношениях, и в поразительно реалистических образах правдолюбцев из народа и т. д. Столь типичная, особенно для Чехова девяностых годов, тема «новой жизни», «нового счастья» в конечном счете выступает как эстетическая реализация возможностей народа, его духовного и нравственного потенциала.

Вдумчивый читатель обратит внимание на присущую книге Г. Бердникова академическую основательность. Это драгоценное качество порождено не только обширной эрудицией автора, но прежде всего глубиной и содержательностью анализа. На страницах книги Чехов — писатель великий и необычайно сложный, противопоставивший различным формам «идеологической предвзятости» «строгую объективность», но вместе с тем не избежавший и определенных противоречий, возникавших именно в связи с благородным стремлением к ней, к этой «строгой объективности». Резко выраженная у Чехова установка на «невыдумывание» жизни (факт, отмеченный Горьким), с одной стороны, открывала перспективу небывало реалистического отображения мира и человека, а с другой стороны, «обрекала Чехова на трезвое самоограничение во всем, что касалось естественного желания заглянуть в будущее...»

В книге сосредоточено внимание не только на чеховском решении «вопросов русской жизни»; в ней раскрывается общечеловеческий смысл «тревожных» вопросов, постановкой и решением которых была всегда сильна прогрессивная русская литература. Но вполне естественно, что исследователь Чехова показывает, как облик литературы XX века в огромной степени определяется именно своеобразием чеховского творчества.

Книга Г. Бердникова — заметное явление в современном советском литературоведении.

А. ЗИСЬ,
доктор
философских наук

14